

"На переломе" (вводные замечания)

При выборе названия сборника осознанно использовано политико-идеологическое клише первых десятилетий советской власти, когда наука, как и другие сферы духовной и материальной деятельности, претерпевали громадные преобразования. Этот "перелом" был связан прежде всего с кризисностью в отношениях науки как социального института и власти, которые не могли обойтись друг без друга, но в то же время не могли довольствоваться формами взаимодействия между наукой и властью, наукой и обществом, сложившимися в дореволюционные годы. Формирование новой системы связей науки как социального института с государством в условиях становления сталинской диктатуры характеризует этот период.

Новые руководители России стремились использовать науку для создания мощного промышленно-военного потенциала страны, реорганизации сельского хозяйства, построения новых форм общественной жизни, идеологического оправдания своей политики и повышения международного престижа. Кризисная ситуация во многих странах Запада (например, в Германии в период Веймарской республики или в США в годы "великой депрессии") заставляла многих усматривать в науке одну из причин кризиса. В Советской России, напротив, власть именно в ней видела важнейшее средство для реализации своих планов в условиях глобального общенационального кризиса. Прометеевская вера коммунистических вождей в возможности науки побуждала их к организации новых научных учреждений, вузов, кафедр, журналов и к изданию научной литературы в таких масштабах, о которых ученые в других странах не могли и мечтать. В условиях, когда государство стало единственным источником средств для осуществления не только проектов общегосударственного значения, но фактически любого научного исследования, идеологизация и политизация науки становились неизбежными.

Из естественных наук биология в наибольшей степени испытала воздействие жесткого административно-государственного управления и оказалась восприимчивой к различным политическим и идеологическим влияниям. Расовая гигиена, евгеника, антропология в Германии и агробиология, "мичуринская генетика", "советский творческий дарвинизм" в СССР показали, как идеологизация отдельных фрагментов научного знания, возводимых в ранг веры, в конечном счете превращает науку в ее противоположность. Стремление понять механизмы подобного превращения и мотивы поведения ученых в экстремальных условиях диктатуры породили обширную литературу о биологии в нацистской Германии и сталинской России, анализирующую взаимоотношения между наукой, идеологией и властью, осуществляющей непрерывный контроль за всеми сторонами жизни общества, каждым ее членом и проводящей массовые репрессии.

Вместе с тем, нельзя это взаимодействие излагать только с позиции концепции тоталитаризма. Следует помнить и о проходившей тогда в СССР экстренной модернизации экономики, коренном преобразовании социальной структуры общества, подготовке новой элиты во всех сферах общественной жизни, массовой поддержке политики правящей партии, внедрении коллективистских форм поведения и т. д. Шла и эволюция форм взаимоотношений науки и власти. Степени свободы отдельных ученых и отраслей знания зависели от государственной значимости проводимых исследований. Ученые часто охотно шли на сотрудничество с тоталитарными правительствами, участвуя нередко в псевдонаучных проектах. При этом к идеологическим и политическим аргументам они прибегали по разным соображениям: одни, желая ускорить карьеру, другие — убрать конкурента, третьи — в порядке самообороны, четвертые — для обеспечения финансирования, пятые — для сохранения отечественных исследований на уровне мировой науки и т. д. Были и искренне верящие в плодотворность официальной идеологии для биологии.

При анализе взаимоотношений между биологией, идеологией и властью основное внимание, как правило, уделяется деятельности Т. Д. Лысенко и ее связи с общей партийно-государственной политикой, обусловившей подъем лысенкоизма и его процветание. В об-

ширной литературе по истории борьбы с лысенкоизмом, биологическое сообщество, как правило, представлено жертвой лысенковщины, порожденной всецело сталинским режимом. Попытки некоторых участников тех событий и историков науки возложить часть вины за лысенкоизм и на самих ученых, как правило, с негодованием отвергались. Правда, доминировавшая недавно в отечественной истории науки апологетика сотрудничества ученых с коммунистическими правителями России заменяется поиском только негативных его последствий. Однако история науки не лучшее место для нравоучительных жизнеописаний в духе Плутарха.

Появление Лысенко и его сторонников в высших эшелонах науки в значительной степени связано с многочисленными попытками в 20-х—начале 30-х гг. создать некую "пролетарскую" или "диалектическую" биологию. В те годы не только, и даже не столько политическое руководство, сколько ученые были инициаторами идеологизации и диалектизации естествознания. Поэтому столь важен анализ исходных социально-культурных и политических условий, в которых начиналось развитие российской биологии в послереволюционный период. Начиная диалектизаторы биологии, среди которых впоследствии оказалось немало жертв сталинских репрессий, активно способствовали созданию первых научных марксистских организаций, печатались в идеологических журналах, активно участвовали в многочисленных дискуссиях о соотношении марксизма и различных естественнонаучных концепций. В этих дискуссиях отражалась борьба внутри биологического сообщества, реакция различных групп ученых на попытку насильственной диалектизации и пролетаризации биологии, воздействие этих попыток на тематику и язык биологических исследований, на ритуал научных мероприятий (конференций, съездов, обществ), на идеи, ценности, традиции научного сообщества, на его взаимоотношение с властями, на стиль поведения ученых.

Существовали и резкие различия в эволюции взаимодействий биологов и власти в Германии и России. Если в Германии значительная часть биологов уже в 1933 г. оценивала приход Гитлера к власти как "национальную революцию", "духовное возрождение нации" и "возвращение немецкого народа к своим истокам", то в СССР пройдет немало лет, прежде чем славословия Октябрьской

революцию станут обычными в трудах биологов. Из крупных ученых лишь К. А. Тимирязев сразу стал доказывать конгениальность дарвинизма и марксизма, а остальные враждебно встретили большевиков. Но арестами и обысками будущие корифеи советской биологии (В. И. Вернадский, физиолог А. А. Ухтомский, генетик Н. К. Кольцов, гидробиолог К. М. Дерюгин и др.) приучались соблюдать лояльность к советской власти и ее идеологии, мимикрировать под ее сторонников.

Эта лояльность нужна была партийным вождям для осуществления своих планов. Но и российские ученые, традиционно усматривавшие в науке способ служения государству и признающие необходимость ее использования в практических целях для улучшения общества, охотно шли на сотрудничество с властями. К тому же практически всем крупным биологам, независимо от их происхождения и политических взглядов, на первых порах была представлена возможность продолжать исследования, руководить лабораториями, кафедрами, институтами, готовить научные кадры.

Особое внимание уделялось эволюционной биологии и генетике, на которые возлагались большие надежды в преобразовании общества, сельского хозяйства и природы. Не случайно генетик и эволюционист Н. И. Вавилов стал первым президентом созданной в 1929 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ).

Научная интеллигенция считала, что царское правительство недостаточно уделяло внимание нуждам науки, в то время, как большевики создали обстановку, стимулирующую научные исследования и способствующую вовлечению в них широкого круга талантливейшей молодежи, основывая институты, лаборатории, общества. 20—30-е гг. стали периодом наивысших достижений отечественных ученых в важнейших тогда отраслях биологии (генетике, экологии, этологии и т. д.). Мощный интеллектуальный потенциал отечественной науки, созданный в предшествовавшие десятилетия, оказался востребованным лишь после революции. И большинство ученых прекрасно это понимало, хотя к самому режиму они обычно относились негативно.

Зависящие от государственного финансирования, ученые обзаводились покровителями среди партийных лидеров, используя их в решении организационных вопросов. Такими патронами были

для И. П. Павлова Н. И. Бухарин, Н. К. Кольцова—Н. А. Семашко и А. В. Луначарский, для Н. И. Вавилова—А. И. Рыков и Н. П. Горбунов. Без подобной поддержки было бы трудно вести крупномасштабные исследования. В письме к сыну от 24 июня 1921 г. В. И. Вернадский оправдывал сотрудничество с большевиками своих учеников (А. Е. Ферсмана, Я. В. Самойлова, В. Г. Хлопина), рассматривая их научную работу "как залог всего будущего и доказательства роста и силы будущего России". Позднее, находясь несколько лет за границей, Вернадский, под влиянием писем учеников, пришел к выводу: "Сейчас результаты научной работы в пределах России очень велики и с ними приходится считаться здесь всем. Русские ученые, оставшиеся там, делали и делают большую мировую работу...". После неудачных попыток получить деньги для биогеохимических исследований он вернулся в Россию, веря, что научная деятельность неизбежно преобразит коммунистический режим. По сходным соображениям остался на родине И. П. Павлов.

В истории советского общества в 20—30-х гг. сталкивались противоречивые тенденции, в которых нашли выражение интересы весьма неоднородных социальных групп с разным уровнем образования и разным представлением о гражданском долге. Шел непрерывный процесс крушения все новых слоев общества, недавние торжествующие победители в политике, экономике, культуре, науке вскоре сами становились гонимыми, подвергаясь зачастую жестоким репрессиям. Деформация общественного сознания, обусловленная беспощадными годами мировой и гражданской войн, голодом и разрухой, наложила отпечаток на события последующих десятилетий. Немногим из ученых удалось устоять в условиях постоянно инспирируемых дискуссий, многочисленных кампаний разоблачений и чисток конца 20-х—начала 30-х гг. и, наконец, последующих массовых сталинских репрессий.

Уже в результате культурной революции (1927—1931 гг.) под идеологический контроль были поставлены все биологические учреждения. Заграничные поездки и свободное общение с иностранными коллегами практически были запрещены на десятилетия. Известных биологов отстраняли от преподавания, арестовывали и ссылали. Сталинский "массовый поход революционной молодежи на науку" позволил взрастить генерацию, всегда готовую к поискам

"врагов" социализма. Целые области биологии, пограничные с социальными и медицинскими науками, были разгромлены. Но частая смена кампаний и лозунгов убеждала в ненадежности карьеры, построенной на лояльности. Особенно уязвимыми оказывались те, кто активно участвовал в пропаганде официальной идеологии. В массовых репрессиях 30-х гг. пострадали, в первую очередь, диалектизаторы биологии, среди которых наиболее сильна была конкуренция за покровительство властей.

При сталинском режиме, никому не были гарантированы успех или гибель. Заклейменные за идеализм еще в 20-х гг. Л. С. Берг, А. Г. Гурвич, А. А. Любищев, Д. Н. Соболев никогда не арестовывались, а лояльный властям А. Е. Ферсман был смещен с поста вице-президента. Его место предлагалось неустанному критику большевиков и их идеологии Вернадскому, оставшемуся в почете у властей до конца дней. В то же время активные проводники очередной партийной линии первыми гибли при ее смене.

Тотальный террор никому не гарантировал выживание. Это побуждало к активным действиям. Лидерами оказались генетики и селекционеры. Зная, что Лысенко и Презента поддерживает сам Сталин, они вступили с ними в бескомпромиссную борьбу. В основе трагедии, которая разыгралась вокруг "лысенковщины" была не конкуренция за финансы или официальное признание тех или иных научных принципов, а борьба за свободу науки против ее подчинения сверху. Вот почему к генетикам после войны присоединились и биологи других специальностей. Здесь номогенетик А. А. Любищев и дарвинист В. Н. Сукачев были едины в выступлениях против Лысенко, а сторонники последнего в равной степени травили и дарвиниста И. И. Шмальгаузена, и номогенетика Л. С. Берга. Конечно, борцы с лысенкоизмом вынуждены были использовать методы и приемы своих противников. Они выступали под знаменем диалектического материализма и апеллировали к властям как к верховному арбитру в научных спорах, стремясь их привлечь на свою сторону. Но в этой борьбе вызревала вера в возможность организованного противостояния тоталитарному режиму. В какой-то степени здесь коренятся истоки диссидентского движения в СССР.

Для реконструкции подлинного хода исторических событий необходимо исследовать все сложные аспекты социально-полити-

ческих и нравственно-психологических составляющих борьбы идей в науке, проходившей в условиях административной системы управления наукой и сталинских репрессий. И здесь исключительно важно продолжить поиск событий, сыгравших роль пусковых механизмов свершившихся трагедий. В то же время анализ социально-политических и идеологических факторов бесперспективен в отрыве от реальных проблем науки, вокруг которых и разворачивалась борьба. А эти проблемы вопреки всему продолжали разрабатываться в нашей стране, и во многих отраслях науки советские ученые занимали лидирующие позиции.

Броские определения типа "сталинская наука", как и "NS-Biologie" не могут скрыть тот факт, что и в либеральных англосаксонских странах, и в гитлеровской Германии, и в сталинской России наука в конечном счете оставалась одна и та же. Главные положения основополагающих книг по синтетической теории эволюции, написанные Дж. Хаксли в Англии, Ф. Г. Добржанским, Э. Майром и Дж. Симпсоном в США, Г. Геберером, Б. Реншем, В. Циммерманом, Н. В. Тимофеевым-Ресовским, В. Людвигом в фашистской Германии и, наконец, Г. Ф. Гаузе, Н. П. Дубининым и И. И. Шмальгаузенем в СССР, были одинаковыми, хотя мировоззренческие и идеологические постулаты провозглашались совершенно разные. Самый рьяный сторонник приоритета социальных факторов в развитии науки не может дать вразумительного ответа на вопрос, почему даже столь идеологизированная наука, как эволюционная теория, развивалась сходно в различных социально-культурных контекстах и, по сути дела, дала одинаковый набор конкурирующих концепций: дарвинизм-ламаркизм, сальтационизм-градуализм, эктогенез-автогенез? И ответ здесь только один. Никакие внешние факторы не могут изменить логику развития науки. Это хорошо понимали сами творцы науки, как, например, В. И. Вернадский и А. Эйнштейн.

Встречающиеся же в работах последних лет попытки поставить на одну доску в научном отношении мучеников науки (Н. И. Вавилова, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитского и т. д.) и ее губителей (Г. Д. Лысенко, И. И. Презента) мне представляются продиктованными скорее всего конъюнктурными соображениями, столь характерными как раз для "сталинской науки", чем стремлением ос-

вободиться от сложившихся стереотипов. Причудливая смесь донаучных верований с обломками науки, заимствованными лысенкоистами в искаженном виде из разных разделов биологии, просто-напросто не была бы замечена научным сообществом в 20-е гг., если бы им не покровительствовали высшие иерархи партийно-государственного аппарата, включая самого Сталина. И не случайно в репрессиях гибли прежде всего сторонники генетики, что позволяло лысенкоистам захватывать освободившиеся "ниши".

Демаркация между наукой как доказуемым и проверяемым знанием и псевдонаукой, построенной на голословных уверениях и шарлатанстве, в принципе непреодолима. Рассказы о многочисленных встречах со снежным человеком, равно как и с экипажами "летающих" тарелок, труды экстрасенсов, уфологов, сторонников реинкарнации никогда не приобретут статуса науки. За четыре тысячи лет астрология не стала астрономией, поиск философского камня не привел к получению золота и серебра из других металлов. Вряд ли кто станет в сказке о ковре-самолете усматривать зародыш будущего аэроплана, а в размышлениях алхимиков искать предвидение способов расщепления и синтеза атомного ядра. Так и в лысенковских нападках на хромосомную теорию наследственности лишь при большом воображении можно увидеть прозорливое предвидение цитоплазматической наследственности или явлений, связанных с мобильными диспергированными генами.

Противоречивая история отечественной биологии тех лет порождает удивительное многообразие методов и стилей историко-научных исследований, яркую палитру различных суждений и оценок. Одна из целей сборника отразить это разнообразие подходов от крайнего интернализма до не менее абсолютизированного экстернализма, когда проблемы самой науки фактически полностью игнорируются, что позволяет ставить знак равенства между генетиками и их противниками. Сборник призван показать, что "на переломе" находится сама история о событиях в отечественной биологии 20—30-х гг.

С этой целью в сборник включены статьи зарубежных авторов, сотрудничавших в течение многих лет с сектором истории эволюционной биологии Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Предполагается, что изда-

ние этого сборника положит начало серии совместных публикаций российских специалистов по истории советской науки с их зарубежными коллегами. Значимость подобной серии определяется не только проблемами сугубо научно-исторического порядка, но и положением отечественной науки. Окунаясь в события тех "переломных лет", еще раз поражаешься, насколько сходны суждения, аргументы и действия в кризисные периоды взаимоотношений науки и власти. И хотя история давно доказала, что на ее ошибках никто никогда ничему не учился и, более того, не желал и не собирается учиться, тешу себя надеждой, что публикуемые материалы побудят задуматься: а чьей же дорогой идем мы на этот раз и ради чего задуман очередной "перелом" науки. Может, тогда и станет меньше поводов для классического сетования: "Хотели как лучше, а получилось как всегда".

И последнее. Сборник открывается статьей патриарха эволюционной биологии Э. Майра, написанной для книги "Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского" (СПб, 1997). К сожалению, рукопись поступила уже после того, как книга вышла из печати. Учитывая, что формирование научных взглядов и интересов Завадского шло именно в конце 20—30-х гг. уместна ее публикация в этом издании. Перевод же статьи Майра предполагается поместить в журнале "Вопросы истории естествознания и техники".